

Глава 34.

В этом мире, столь упадочном и слабом, он предпочёл бы быть чудовищем и бедствием.

Тир Инфинити

Это было его неофициальное прозвище ещё в далёкие времена, когда он был никем, лишь младшим принцем.

Ещё более неофициально...

"Эй, эй... чудовище!"

...так его называли.

В детстве, пожалуй, это слышал чаще собственного имени.

Погружённый в темноту, Дамиан беззаботно вспоминал об этом.

Сейчас он стоял в одиночестве в маготуннеле, соединяющем Тьюрин и Кантакун.

Тишина и тьма были такими, что казалось, он вернулся в до-рожденное состояние.

Дамиан родился поздно. К его появлению братья уже выросли. Младший брат, родившийся, когда наследник уже женился, не был желанным ребёнком.

К тому же в двухдневном возрасте он уничтожил прибор для замера магической силы.

"Такого не было за всю историю замеров".

Дрожащие чиновники доложили об этом в мёрзлой тишине.

Император бесстрастно посмотрел на младенца своими глазами. А затем дотронулся до щёчки морщинистой рукой с императорской печатью.

Он был жив.

Пока безвреден, но какое зерно посажено, неизвестно.

В империи, которой он отдал жизнь и чьё имя должно золотом войти в историю, это "нечто" может принести бурю.

'Просто убить и избавиться - самый простой путь...'

Но в тот момент императора остановило не столько бесчестие, сколько человечность.

'Всего двое суток от роду...'

Убийство не доставляло удовольствия.

Император вспомнил своего второго сына Клода. Младший, рождённый на всякий случай, если старший внезапно умрёт, хорошо знал своё место.

А может, стоит дать и этому ребёнку шанс научиться выживать, скрываясь?

Император решил проявить милосердие.

"Если станешь мечом брата, то, возможно, выживешь".

Но Дамиан не бросился на войну, чтобы выжить, подчиняясь этим словам.

Это было не юношеское честолюбие или желание доказать свою значимость.

Поле боя, где ради победы можно превратиться в чудовище, было для него единственным местом, где его нелюдская сущность терпелась.

Хотя бы ненадолго опуская самоконтроль, он предавался безумию, для которого был рождён.

Неожиданностью стало, что люди Империи стали превозносить Дамиана как талантливое полководца и героя.

Сначала это казалось нелепым. Как будто весь мир сошёл с ума.

Вместо правды об учинённых им бойнях в газетах писали только о "великих победах".

Тогда Дамиан подумал, что этот мир, видимо, состоит из того жалкого материала, что и газеты.

'Насколько...'

Нелепо хрупким и уязвимым казался ему этот мир.

Даже отец, именуемый императором, выглядел жалким.

Вспомнился холодный взгляд, оценивающий его жизнь. Дамиан не испытывал никаких чувств.

И вот однажды отец спросил его:

"Ты намерен стать императором?"

Что он ответил тогда?

"Ну, почему бы и нет? Как раз скучно".

Видя, как изогнулась бровь отца, прекрасный юноша невинно засмеялся. А затем, успокаиваясь, снисходительно добавил:

"Не пугайтесь. Я могу и не захотеть. Лень".

"Что за детские глупости!?"

"Вы всё равно не поверите ничему, что я скажу".

Говоря это, Дамиан был спокоен:

"Так что просто выберите из двух вариантов тот, который больше нравится, и верьте ему".

После этого отец больше не звал его до самой смерти.

Их воссоединение состоялось на похоронах. Дамиан смог отдать последние почести телу отца, соблюдая очерёдность наследования.

"Дорогой отец..."

После старшего брата, племянника и третьего брата настала его очередь.

В первый и последний раз Дамиан был предельно честен:

"...я лишь надеюсь, что всё это скоро развалится и рухнет к чертям".

Хочу разбить этот жалкий хрупкий мир, разорвать в клочья этих бумажных кукол.

Мы все этого желаем.

Вот мой ответ.

Бесстрастным голосом юноша пролил на гроб отца слова, подобные яду. Уходя, Дамиана остановил старший брат Идель.

"Дамиан, подожди".

"Брат".

Как и подобает близким по крови, добрый наследный император терпел даже чудовищного младшего брата.

И для самого Дамиана трудно было питать злобу.

Вместо ответа он лишь пожал плечами. Улыбнувшись смутно, Идель одобрительно сказал удаляющемуся племяннику:

"Ты многого добился".

"Странно так говорить, услышав, что я пожелал отцу".

Однако Идель твёрдо покачал головой: "Нет".

"Каковы бы ни были твои мотивы, эта империя определённо обязана тебе".

Дамиан до конца не соглашался, но упрямый Идель даровал ему громкое звание "Императорский Леонград" с пожизненной неприкосновенностью - беспрецедентная честь.

А через некоторое время и этот брат умер.

Погружённый в темноту туннеля, Дамиан бессмысленно смотрел на свои закованные в латы руки.

В детстве, когда магия выходила из-под контроля, первыми изменялись именно руки.

Обычно от изменённых конечностей ощущалась ужасная боль. Но никто не жалел страдающего Дамиана.

Чёрные, как в латах, острые, огромные, искривлённые руки и кисти вызывали отвращение и страх даже бездействуя.

От боли он умолял отрубить эти руки. Никто не слушал. Отец лишь с досадой цокал языком и велел надевать кандалы, как на бешеную псину.

В такой ситуации Идель был единственным, кто не считал его чудовищем.

Хоть и не мог снять оковы с приказа императора, добрый юноша старался как мог утешить брата, опустившегося ниже зверя.

"Вчера я изучал старые хроники, Дамиан".

"..."

"Не любопытно, что я нашёл? А?"

Идель жизнерадостно заговорил. Дамиан усмехнулся и открыл рот.

Пожалуйста, брат...

"Заткнись".

Улыбка исчезла с губ Иделя. Дамиан закрыл глаза.

Он знал - брат был для него в этом мире единственным, кто хоть как-то заботился или делал вид.

'Надо было вилять хвостом, как прирученная собака...'

Он знал - смирение уберегло бы от отвержения. Но Идель был любимцем отца, заточившего его.

Ранив этого человека, он хоть немного отомстит отцу за спиной?

Была и более глубокая причина.

'А если приручат, а потом бросят?'

Это было бы невыносимо. Так думал юный Дамиан.

Идель понял колючки, которые Дамиан поставил вокруг себя. Это был его способ защищать себя. Может быть, если бы Идель отступил и оставил его, Дамиану стало бы легче. Но Идель тоже был упрямым взрослым. Он и не думал бросать своего младшего брата. "Я читал, что если человек с недостатком магической силы, встречает кого-то вроде тебя, то мы можем компенсировать несбалансированность друг друга. Дамиан".

Дамиан подумал, что это полная чушь. Идель мягко продолжил: "Я не знаю, как это может произойти. Но Дамиан, обещаю мне. Я найду способ помочь тебе. Просто немного потерпи".

Не умирай и не сходи с ума.

Несмотря на просьбы Иделя, Дамиан не питал надежд. Не было необходимости мучить себя. Он скорее привык не мечтать о чудесах.

Именно поэтому сейчас, когда боль в руках исчезла, он думает по этой давней привычке. Это же сон, не так ли? Такого просто не может быть в реальности.

Когда он выйдет из темноты тоннеля, его встретит неизменная реальность. Такой же монстр, каким он был, когда родился.

Но если это реальность?

<http://tl.rulate.ru/book/93433/3575008>